
ВАДИМ КЛЕНИН
ИСТОЧНИК ДУШ 2
ЛУНА – КАССИОПЕЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вадим Кленин

Источник душ 2.
Луна — Кассиопея

«Автор»
2026

Кленин В.

Источник душ 2. Луна — Кассиопея / В. Кленин — «Автор», 2026

Продолжение романа "Источник душ". Давид, Светлана, Бублик и Гефест везут эмбрионы к новой планете, чтобы дать человечеству еще один шанс.

© Кленин В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Лицо в пустоте. Глава 1. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вадим Кленин
Источник душ 2. Луна — Кассиопея

Часть I. Лицо в пустоте. Глава 1.

Пролог

Ну что ж… поздравляю. Вы разгадали мои нехитрые намёки и поняли, что первая инфокапсула — лишь крохотная часть большой истории расселения человечества по галактике с красивым названием Млечный Путь.

Я не знаю, кто вы: кибер, ахив или гандей. И тем более — с какой планеты. Может быть, с одной из тех суперземель, где мне удалось вырастить настоящих атлетов, по сравнению с которыми легендарный земной Геракл — немощный младенец. Или прибыли со спутников газовых гигантов с настолько плотной атмосферой, что крепкое тело только мешает летать.

Хотя, конечно, втайне я всё же надеюсь, что вы — самый обычный человек с Земли. А это значит, что моим создателям и вашим далёким-далёким пращурам удалось выжить. Они стабилизировали Луну, и неминуемая гибель всего живого была отложена очень надолго.

Не ведаю и вашего рода занятий. Может быть, вы историк, авантюрист, искатель артефактов или (этого я хотел бы меньше всего) и вовсе один из наёмников тех цивилизаций, что соперничают с потомками землян. А такие на моём пути тоже встречались. Опасность для вашего рода не нулевая: одни захотят вас сожрать, другие — просто устранить конкурентов. Лишь старые сказки о том, что кому-то нужны исключительно земные ресурсы, оказались несостоятельными. В нашей огромной галактике полно бесхозных планет и астероидов, и разумным расам вовсе не обязательно преодолевать сотни световых лет ради свинца или бокситов с вкраплениями алюминия.

Однако на всякий случай я не сохраню точных координат и во второй инфокапсуле. Лишь названия созвездий, которые актуальны только для прародины людей. Если человечество на Земле выжило, оно сможет пройти мой путь ещё раз. Если нет… Что ж, значит, наша миссия не была напрасной. И человеческий род, пусть и в сильно изменённом виде, не пресёкся на погибшей Земле.

С чего бы начать? Пожалуй, с того места, где завершил предыдущую запись. Итак, наш корабль вырвался, наконец, из облака Оорта и вышел на просторы Млечного Пути.

В момент перехода гелиопаузы он задрожал. Не так, как это делает испуганный человек — мелко и трусливо. Это была дрожь радости существа, впервые ощутившего отсутствие поводка солнечной гравитации. Термоядерный двигатель встал на паузу, прекратив импульс ускорения, и наша махина заскользила, как древний линкор, каждая рея которого звенела от счастья.

Глава 1. Куда лететь?

Для тех, с кем наше знакомство начинается лишь со второй инфокапсулы, кратко представлюсь. Меня зовут Давид, и я синтетик — андроид третьего поколения, визуально неотличимый от людей. Во всяком случае, наша кожа такая же мягкая, и мы даже можем видеть сны — правда, только во время подзарядки.

Бублик — мой верный друг и по природе робопёс, временами косплеящий ворчливую таксу, — лежал около моей правой ноги. Он положил морду на лапы, а в механических глазах, уставившихся в одну точку, отражались показания приборов и датчиков, которых было полно в затемнённой капитанской рубке. Лишь то, что у него продолжали слегка подрагивать уши, показывало — мой друг бдит.

Как это ни смешно, но для такого юного синтетика, каким я был на тот момент, выбор нового адреса галактической прописки человечества оказался не такой уж простой задачей.

Понимаю, как наивно это звучит. Особенно если вы слушали мою первую запись[1] и помните, сколько неприятностей нам доставили подлунные надзиратели за прогрессом земных существ. Однако там всё более-менее понятно: вот пленник, которого нужно освободить; вот дверь, через которую можно сбежать; вот враг, от которого желательно держаться подальше. А ещё лучше — иметь между вами парочку безбашенных экскаваторов или хотя бы четверорукого Гефеста. Не древнего греческого бога, а нашего механика, донельзя угрюмого мизантропа. Зато огромного. Его, кстати, тоже отправили с нами в полёт, чтобы мы ничего не напортачили.

Так вот, налюбовавшись яркими звёздами, величие которых уже не скрывала никакая пыль Солнечной системы, я вдруг понял, что не знаю, куда двигаться дальше. Фронтальная информационная панель транслировала изображение миллиардов звёзд, но ни одна из этих светящихся точек не обещала, что рядом с ней будет хотя бы безопасно. Не говоря уже про то, что человеческие эмбрионы смогут там выжить, вырасти, стать людьми, завести потомство и возродить земную цивилизацию на новой планете.

Я нажал одну из сенсорных кнопок, и над центральной панелью возникла вращающаяся трёхмерная карта нашей галактики. Впечатляющая инсталляция, от величия которой у человека наверняка перехватило бы дух. Все эти туманности, мерцающие скопления светил и пугающая чёрная мгла в самом центре, окружённая ослепительным светом звёздных старейшин. В нескольких местах прямо в этот момент сверкнули вспышки сверхновых, возмущая пространство вокруг себя.

— Светлана, а куда, собственно, мы летим? — спросил я у ещё одного члена экипажа. Моей подруги и соратницы, которую постигла незавидная судьба в самом конце наших подлунных приключений.

— Пока туда, куда нас направил КАЛС, — безразличным тоном ответила она.

Её голос прозвучал из потолочного динамика справа.

Я повернул голову.

— Ты можешь не делать это каждый раз, — напомнила Светлана. — Я не сижу ни на потолке, ни в динамике, ни за решётками вентиляции.

— Знаю, — ответил я.

— Тогда почему постоянно оглядываешься?

Я не нашёл подходящего ответа. Да, честно говоря, уже и не искал. До старта у Светланы были прекрасное лицо и тело, базовая версия которого принадлежала русской красавице, выигравшей на Земле один из престижных конкурсов. Света, такой же синтетик, как и я, слегка тюнинговала оболочку под свой вкус, но, как ни старалась, повторить беззаботную улыбку королевы подиума так и не смогла. И вот КАЛС — наш главный руководитель на лунной станции «Новый Харбин» — заставил её отказаться от результата нескольких лет пластических усилий и лишил её тела, сделав искином корабля. Вряд ли в отместку за то, что она чуть было не встала на сторону змееголовых. Выбор у него был, в общем-то, небогатым: либо она, либо я. И поскольку на тот момент я был ещё совсем нубом, доверить систему контроля мне он никак не мог. В результате она стала мозгом корабля, а я — руками.

[1] Имеется в виду роман «Источник душ» https://www.litres.ru/book/vadim-klenin/istochnik-dush-71294977/

Теперь её голос мог зазвучать откуда угодно. Но поскольку большинство динамиков были на потолке, то и звук оттуда прилетал чаще. Временами мне казалось невежливым отвечать, не повернувшись к этим решёткам. Лишь когда она выводила своё лицо на центральную панель, я мог этого не делать и смотреть ей прямо в глаза.

— Давай выведем распоряжения КАЛСа на экран, — предложил я, стараясь не накалять ситуацию.

Трёхмерное изображение Вселенной погасло, и вместо него над рабочей консолью возникла голографическая плоскость, по которой заскользил перечень файлов, с которыми необходимо ознакомиться при выходе из облака Оорта.

Я открыл первый. Исключительно из-за его заголовка:

«Д-113. Прочитать до попыток улучшить маршрут».

Д-113, если кто забыл, — это тоже я. Точнее, буква и три цифры — лишь часть моего длинного настоящего имени в двадцать пять символов, если не считать дефисов. Но мы со Светланой уже давно выбрали себе человеческие имена и как-то к ним привыкли.

— Он в меня верил, — заметил я. Мой процессор сгенерировал что-то типа гордости, и я даже выпрямился в кресле.

— Именно поэтому, видимо, и оставил очень подробную инструкцию, — прохладным тоном ответила Светлана. Обида ещё таилась где-то в проводах нашего корабля, которые стали нервами этой синтетической девушки.

Впрочем, она, как всегда, была права. Я проскроллил файл дальше. На голограмме появились последовательности манёвров, временные окна, ограничения по нагреву, допустимые отклонения и предупреждения, написанные так, словно КАЛС заранее просчитал каждую глупость, которую я способен совершить.

Он действительно продумал наш выход из Солнечной системы. Разгонная мощь с Луны, прохождение планетных областей, направление ухода от Солнца, манёвры вокруг Юпитера и Сатурна — всё было связано в сложную, но выверенную композицию. Вмешаться в неё без достаточных знаний означало вытащить рандомную заклёпку из работающего двигателя. Может, и повезёт, а может — совсем наоборот.

Но возле последнего участка маршрута стояла другая пометка:

«Выбор конечной цели — после проверки силовой установки и анализа возможных вариантов».

Я перечитал её ещё раз.

— Стоп, — сказал я вслух. Мы, синтетики, тогда всё ещё старались копировать поведение людей, пытаясь быть на них похожими. Даже в таких мелочах, как рассуждения вслух. — То есть, он довёл нас до выхода, но дальнейший путь не указал?

— Он оставил несколько вариантов, — снова проговорил потолок голосом Светланы. Я с трудом удержался от взгляда в сторону динамика. — Окончательное решение зависит от того, что может корабль и в каком он будет состоянии. Двигатель-то экспериментальный.

Я отстегнул ремни. Мне хотелось подвигаться. И прежде чем выбирать звезду, ещё раз посмотреть, кого мы туда везём. Я двинулся в инкубатор.

За дверью этого важнейшего для нашей экспедиции блока было удивительно тихо. Конечно, тишина на космическом корабле — понятие условное. Работали насосы, вентиляторы, преобразователи, попискивали и пощёлкивали датчики. Но здесь все эти звуки были приглушены многослойной защитой. Даже дверь закрылась за мной с деликатным щелчком.

Здесь хранились человеческие эмбрионы. И не абы кого — потомки сливок человеческого общества: ведущих учёных, спортсменов, общественных деятелей. Ну и богачей, конечно, куда же без них. Кто ж всё это развлечение оплачивал на самом деле там, на Луне? Впрочем, не стоит пренебрежительно говорить о таких персонажах. Многие из них при отсутствии военных конфликтов остались чуть ли не последними пассионариями на Земле. Так что

их гены очень даже пригодятся нам там, на новой планете, где придётся крутиться и двигаться, строить и создавать всё заново.

Выглядел инкубатор максимально технологично и скучно. Никаких прозрачных колб с младенцами, как в старых фильмах. Наши пассажиры занимали закрытые панелями ячейки, и посмотреть на них напрямую означало начать процедуру разморозки, которую без необходимости проводить не следовало. Вдоль стен узких коридоров стояли одинаковые секции. На их поверхностях медленно менялись зелёные цифры данных: температура, питание, исправность контрольных линий, состояние резервов.

Я остановился перед ближайшей секцией и вызвал информационную карточку. Вместо имён появился длинный идентификатор. В будущем, кстати, это станет ещё одной нашей, как говорили люди, головной болью. Там, на новой родине, всем им придётся придумывать имена. Десятки тысяч новых имён. И заняться этим предстоит мне и Светлане. Не поручать же это Бублику и Гефесту. Тысячи Шариков или Карданов с Заклёпками я не переживу.

На экране появились сведения о хранении и короткая отметка: «Все показатели в норме».

Когда-нибудь один из этих «показателей» может раскричаться из-за невкусного завтрака. Или спросить, почему небо фиолетовое, а не голубое. Хотя… Ещё неизвестно, каким оно будет на новой планете. Может – зелёным? Или, разбив что-нибудь нужное, скажет, что это не он или не она, и укажет на соседа по парте.

В карточке соседних ячеек все строки тоже были зелёными — норма. Возможно, именно там находился тот, кто научится строить дома лучше, чем Ле Корбюзье, Фрэнк Райт или Владимир Шухов. А в следующей — человек, который решит, что дома строить не нужно вовсе, потому что жить следует на морских платформах или на деревьях.

Я попробовал представить всю эту толпу детишек. Не получилось. Получились только голоса. Много голосов в помещении, где сейчас мерно гудел насос.

Возле моей ноги щёлкнули магнитные накладки. Бублик вошёл так уверенно, будто проверять хранилище поручили ему, а я просто оказался на его дороге.

— Пересчитываешь? — спросил он.

— Проверяю.

— Если кого-то не хватает, я не брал.

Он остановился рядом, задрал голову и посмотрел на карточку.

— А это кто?

— Пока не знаю.

— Странно. Везём неизвестно кого неизвестно куда.

— Неизвестно куда — это временно.

— Это меняет дело. Прямо камень с души.

— У тебя нет души. Ты робот. — Иногда его приходится щёлкнуть по носу, чтобы не зазнавался.

Я вызвал сводку состояния всего блока. Зелёные поля занимали почти всю панель. Несколько жёлтых отметок относились к очередному обслуживанию. Красных не было.

Внизу отчёта стоял предельный ресурс штатной эксплуатации. Осталось двадцать четыре года и одиннадцать месяцев. Мы уже потеряли месяц, пока выбирались на границу Солнечной системы. Осталось не так уж и много. Мы летим с огромной скоростью, и даже самая крутая защита не поможет уберечь их от той радиации, которую мы хватаем по пути. Эта цифра мне не нравилась ещё на Луне.

— Светлана, — позвал я, — после двадцати пяти лет что случится?

— Сразу — может ничего и не произойти.

— Очень утешительно.

— Это гарантийный срок нашей системы хранения, Давид. Не срок существования эмбрионов. Дальше резко возрастёт неопределённость: износ, ресурс резервных узлов, воз-

можности ремонта. Ну и вероятность здорового деления клеток наших подопечных. Мы должны успеть создать условия на планете до того, как начнём зависеть от удачи.

— То есть лучше раньше.

— Намного.

Я погасил информационную панель. Теперь это были не двадцать пять лет для доставки груза. А время, за которое я должен был найти место для тех голосов, которых пока мне лишь чудились.

— Света, я возвращаюсь в рубку. Через десять минут — общий совет. Будем думать, что делать дальше. Нужны все. В том числе наш мизантроп.

Гефест прибыл на командный пост даже раньше меня, с разобранным узлом в двух руках. Третьей он держал инструмент, четвёртой отпихнул Бублика, решившего осмотреть принесённое.

— Не трогай, — буркнул наш нелюдим.

— Я только хотел понять, что именно у нас уже сломалось, — обиженно ответил робопёс.

— Пока ничего.

— А почему разобрано?

— Чтобы не сломалось.

Бублик посмотрел на меня, виляя хвостиком.

— Видишь? Настоящий мастер. Ломает заранее.

Гефест не удостоил его ответной колкостью, положил разобранный узел на штурманское кресло, заставив Бублика заскрипеть металлическими зубами — это место пёс считал своим, — и повернулся ко мне. Его металлическая шевелюра выглядела так, словно он только что спорил с работающим генератором и победил исключительно благодаря упрямству.

— Так, все в сборе, — сказал я. — Предлагаю начать. На повестке у нас самый главный вопрос. Куда мы летим дальше?

Гефест пожал плечами и равнодушно посмотрел на меня.

— Сам выбирай, — сказал он.

— Я хотел сначала узнать возможности двигателя.

— Узнай.

— Для этого я тебя и позвал.

Он несколько секунд смотрел на меня, будто оценивал глубину технической пропасти, в которую предстояло спуститься, чтобы достичь моего уровня. Потом взглянул на Светлану, которая на этот раз вывела своё лицо на центральную консоль. Та словно прочла его мысли и вернула трёхмерную голограмму звёздной карты Галактики, затем выделила и увеличила участок радиусом в двести световых лет вокруг Солнца. Правее сформировала трёхмерную голограмму нашего корабля. Она заметно отличалась от изображения той гигантской уродливой стрекозы, составленной из разных блоков, с которой меня знакомил КАЛС перед полётом. Тот вариант был по-настоящему монструозным. Крыльями служили панели солнечных батарей, которым впоследствии предстояло превратиться в ловушку для атомов, свободно разбросанных в космосе. К тому моменту запасы металлизированного водорода должны были иссякнуть, и чтобы термоядерный двигатель не заглох, пополнять резервы топлива пришлось бы вот таким странным образом. Заодно и тормозить будет легче.

Сейчас же я видел воронку на носу корабля, будто у нашей стрекозы вырос слоновий хобот.

— Сбор межзвёздного водорода, — пояснил Гефест. — Мы можем начать его раньше и благодаря этому снизить расход нашего топливного припаса даже на этапе ускорения.

— Значит, топливо можно получать по пути? — влез Бублик.

— В некоторых режимах. И с потерями. Если скажешь «бесплатно», занятие закончится.

Робопёс осторожно отодвинулся от голограммы. Гефест же увеличил несколько участков. Выяснилось, что термоядерный двигатель с тюнингом Гефеста стал совершенно другим. Огромная магнитная воронка не просто собирала полезное вещество. Она служила щитом от разного мелкого мусора, взаимодействовала со встречным потоком, нагревалась косвенно через целый набор процессов и требовала такой точности управления, что мне стало немного не по себе.

Запасы на борту тоже никуда не исчезали из расчёта. Для одних этапов нужны были свои компоненты, для других — отдельные режимы. Торможение вообще занимало на схеме подозрительно много места.

— Я думал, главное — разогнаться, — признался я.

— Именно поэтому ты пока не управляешь двигателем.

— Спасибо за доверие.

— Это не доверие. Это забота о сохранности оборудования.

Я посмотрел на Гефеста, немного поразмыслил — внутри процессора становилось уже тепло от напряга — и спросил:

— Хорошо. И что это нам даёт?

— Сейчас расскажу, — вместо Гефеста ответила Светлана и подсветила на карте несколько направлений. — Вот предварительный список, куда теперь мы сможем долететь. Мы учитываем не только дальность, но и состояние звёзд, вероятность обнаружения пригодных планет, доступную нам траекторию и ресурс корабля.

Я ткнул в ближайшую отметку:

— Проксима Центавра. Хочу туда.

— Почему? — уточнил Гефест.

— Потому что ближе к нам.

Он молчал и холодно на меня смотрел.

— Чуть больше четырёх световых лет, — пояснил я.

Холод в его глазах, как мне тогда показалось, превратился в презрение.

— Мы же ограничены временем. — Я всё ещё не понимал, почему он не поддерживает мой энтузиазм.

— А когда прилетим, — спросил Гефест, — что будешь делать?

— Высаживаться.

— Куда?

Я, наконец, сообразил, почему он так реагирует, и открыл сведения о планетной системе. Уже через несколько строк мой выбор перестал выглядеть таким очевидным. Светлана, словно прочитав мои мысли, вывела график активности звезды. Вспышки на нём напоминали зубья очень неровной пилы. Если там и есть подходящие по размеру и климатическим условиям планеты, жизнь невозможна в принципе. Но сдаваться просто так не хотелось.

— Это не означает, что там обязательно нет подходящих условий, — пояснила она, подталкивая меня в правильную сторону. — Но мы не можем хотя бы на пять процентов гарантировать успех экспедиции.

Гефест скрестил свои верхние руки и посмотрел на меня в упор.

— Ближайшее убежище полезно, когда знаешь, что у него есть крыша. Если вместо крыши периодически прилетает жёсткое излучение, воды нет, а температура скачет от минус ста пятидесяти до плюс ста пятидесяти, близость перестаёт быть главным достоинством.

— А я предупреждал, — сказал Бублик.

— О чём?

— Пока ни о чём. Но собирался.

Он поднял морду к карте и замолчал. Видимо, понял, что его т*а*ксичная (к слову, тут нет опечатки) язвительность сейчас неуместна.

— Предлагаю понятные критерии, — проговорил Бублик уже более серьёзным тоном. Умел же, когда хотел. — Тёплое место. Твёрдая поверхность. Возможность ходить. Желательно, чтобы местные флора и фауна не пытались съесть того, кто ходит.

— Для людей ещё нужна атмосфера, — напомнил я.

— Люди всегда всё усложняют, — ответил он, сел на попу и почесал задней лапой за ухом.

Мы перебрали несколько вариантов. У одних звёзд было слишком мало надёжных сведений о планетах. У других — достаточно данных, чтобы не захотеть туда лететь. Где-то обнаруживалась так называемая сверхземля, которая выглядела величественно, но в качестве места для пионерского лагеря подходила плохо.

— Мне нравится вот эта, — проговорил Бублик, когда мы дошли до Тау Кита. — Всего около двенадцати световых.

— Не лучший вариант, — помотал головой Гефест.

— Почему? Это же звезда-близнец нашего Солнца, — ответила за робопса Светлана. — И у неё есть минимум четыре планеты земного типа.

Нижние руки Гефеста легли ему на пояс, а верхние скрестились.

— Потому что она намного древнее Солнца. И систему окружает массивный диск из обломков. То есть потенциальных комет и астероидов. Да и землеподобные планеты находятся на краю потенциально обитаемой зоны. Придётся долго и упорно терраформировать мир, а у нас для этого недостаточно времени. Она видится синицей в руке, но может оказаться недовольным пингвином, который гонит прочь непрошеных гостей.

Я уже начинал сердиться на Вселенную, когда в архиве, словно по чьей-то подсказке, сам собой открылся пакет с невзрачным названием:

«η Cas A. Повторная обработка. Совместные наблюдения».

Возле него стояла старая отметка КАЛСа:

«Проверить при окончательном выборе».

— Вот это, — я ткнул пальцем в звёздочку позади Солнца.

Светлана убрала лишние звёзды, оставив на карте лишь одну систему. Внизу появились титры:

«Эта Кассиопеи А».

— А вот это уже «журавль в небе», — кивнул Гефест. — Молодец.

Бублик удивлённо посмотрел на него, потом на меня. Впервые наш мизантроп кого-то похвалил. Я решил не разрушать магию момента и вызвал на информационную панель данные об этой системе. Расстояние — около девятнадцати целых четырёх десятых светового года. Главная звезда почти один в один наше родное солнышко.

Я попросил Светлану увеличить масштаб и показать Зону Златовласки. Рядом со звездой появилась ещё одна точка. Она была настолько невыразительной, что я сначала принял её за дефект изображения.

— Это планета? — спросил я, снова непроизвольно взглянув на решётку динамика в потолке.

— И похоже, что вполне пригодная для наших пассажиров, — подтвердила оттуда Светлана. Если бы не серьёзность момента, я бы улыбнулся.

При подходящей атмосфере на поверхности могла существовать жидкая вода. Оценки размера указывали на мир, несколько превышающий Землю. Часть наблюдений допускала наличие кислорода и азота. Но отдельные спектральные признаки требовали перепроверки. Но самое главное — близко не было планет-гигантов, а это означало, что территория вокруг планеты стабильна.

— Тихая гавань, — медленно проговорила Светлана, словно не веря самой себе.

Впрочем, ни одна строка отчёта о планете не говорила: «Приезжайте, здесь безопасно». Но впервые передо мной находилось не просто место, где мы теоретически могли оказаться. Передо мной был мир, который стоило искать и исследовать. Возможный новый Эдем, где мы возродим жизнь.

Я увеличил тусклую точку.

— Теперь выглядит дороже, — оценил Бублик.

— Можешь помолчать?

— Могу. Но тогда станет скучно.

Я собирался ответить, когда ещё раз посмотрел на расстояние до неё от Солнца. Потом вспомнил первоначальную оценку нашей крейсерской скорости, которую называл КАЛС ещё на Луне.

Две десятых световой.

Несложное деление дало результат, от которого даже моя система эмоциональной имитации решила не отставать от обстоятельств.

— Сто девяносто четыре года. Не подходит.

Гефест убрал руку и посмотрел на меня с удивлением. Светлана тоже вскинула брови и уставилась на меня из панели, ожидая объяснений.

— Мы не можем лететь так долго. У нас всего двадцать пять лет.

Гефест протянул руку к Светлане и попросил:

— Девочка, увеличь изображение доработанного двигателя.

Подруга не любила, когда тот к ней так обращался, но ему было всё равно. Да и, по правде говоря, он действительно был таким древним роботом, что по человеческим меркам мы могли быть даже не его детьми, а внуками. В общем, она выполнила просьбу, и тогда наш главный механик стал пояснять:

— Давид, начальная оценка скорости относилась к прежней модели двигателя. Посмотри на расчётный профиль.

Я посмотрел. Магнитный кокон в сотни километров собирает разреженный межзвёздный водород. Лазерная ионизация превращает его в плазму. Термоядерная камера сжигает ее в реакции дейтерий — гелий 3. Магнитное сопло выбрасывает продукты реакции, создавая непрерывную тягу.

Я посмотрел на Гефеста, и тот кивнул, сообщив:

— Всё правильно. Двигатель работает непрерывно, а не импульсами. И разгоняет наш корабль с постоянным ускорением чуть больше одного джи.

— И что это нам даёт? — всё ещё не веря в удачу, спросил я.

— По земным часам полёт займёт больше двадцати пяти лет. А по корабельным, с учётом релятивистского замедления, — чуть более двенадцати.

— Но двигатель должен не только разогнать нас, но и остановить.

— Учтено.

— И могут потребоваться ремонтные работы.

— Это непредсказуемо.

— И защита не становится надёжнее оттого, что внутри корабля время идёт медленнее.

— Вот теперь, — вмешался Гефест, — ты начинаешь приводить полезные доводы. Но забыл ещё один момент. Звезда не собирается ждать нас на том же месте. Она тоже движется.

Я включил пространственное движение всех объектов галактики Млечный Путь. Эта Кассиопеи А потянула за собой тонкую линию, и предполагаемая точка встречи сместилась относительно того места, куда я всё время смотрел.

— Она движется вокруг центра Галактики, — наконец понял я.

— Как и Солнце, — кивнула Светлана с экрана.

— Значит, если она идёт за Солнцем, то должна приблизиться к нашей исходной точке?

Гефест поднял одну руку.

Я остановился.

— Что?

— Кто тебе сказал, что она идёт за Солнцем, а не своим курсом?

Несколько секунд в отсеке был слышен только писк датчиков.

Мы рассчитали точку встречи заново. Потом Светлана намеренно скрыла готовую подсказку и предложила мне проверить исходные предположения. Я прошёл их одно за другим: расстояние, движение системы, доступный профиль разгона, длительность пути, запас на торможение, подход к планете.

На торможении задержался особенно долго. Мне не хотелось стать капитаном, который успешно провёз человечество мимо нового дома.

Бублик к этому моменту устроился возле моего кресла. Магнитные накладки удерживали его на полу, но уши слегка приподнимались при каждом движении головы.

— Ну что? — спросил он нетерпеливо. — Берём?

Я посмотрел на расчёты нашего маршрута. По-прежнему несколько графиков, неуверенное пятно, осторожные формулировки. Не обещание. Возможность.

— Берём, — решился я.

— Тогда сразу уточни, есть ли там вкусные косточки.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Хитровыдуманный КАЛС, кажется, совершил одну, но роковую ошибку. Эмбрионы мы-то, может, и довезём. Но как быть с едой?

— Что? — вопросительно посмотрела на меня Светлана.

Расстраивать её раньше времени совсем не хотелось. И потому я решил приберечь тревожную новость до лучших времён. Ещё долететь нужно, а уж как добывать еду, мы сообразим ближе к делу.

Когда-то я ждал, что КАЛС скажет, правильно ли убран отсек. Потом — правильно ли понято задание. Позднее он отправил меня искать причину утечки энергии, и выяснилось, что причин гораздо больше, чем хотелось бы.

Сейчас шеф не мог уже ничего изменить. Я ещё раз взглянул на документ, который он оставил для меня. В конце письма была одна короткая строка:

«Не выбирай маршрут потому, что он кажется лёгким. Выбирай тот, ошибки на котором ты сможешь заметить и исправить».

— Ты чего замер? — спросил Гефест.

— Проверяю.

— Что именно?

— Себя.

Он не стал торопить. Я ещё раз просмотрел запас времени. Сведения о планете. Перечень неизвестного. Ограничения двигателя.

Потом нажал на информационной панели несколько командных клавиш. Карта изменилась. Несколько возможных направлений исчезли. Осталась одна линия, уходившая от нашего корабля к будущему положению Эта Кассиопеи А.

— Цель принята, — сказала Светлана.

Не автоматическим голосом. Своим. Я посмотрел вверх, на решётку, из которой она говорила.

На этот раз она тоже не стала делать замечание.

— Гефест?

— Расчёт работоспособен, но следить всё равно придётся.

— Бублик?

— Согласен. При условии, что в новом мире запретят откладывать прогулки из-за спасения человечества.

Хотелось произнести что-нибудь достойное момента. О далёком пути, новой звезде, ответственности перед будущим. Возможно, упомянуть древних мореплавателей. Мне всегда казалось, что в подобной ситуации они знали, какие слова нужны. Но перед глазами снова возникла карточка без имён эмбрионов.

И я сказал проще:

— Мы выбрали Эту Кассиопеи А. Там, может быть, мир, в котором мы вместе с теми, кого сейчас везём, сумеем выжить. Я пока не знаю, каким он окажется. Но теперь знаю, куда должен вас довезти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.